

В. С. Савчук
(научн. руководитель *Е. Е. Приказчикова*)
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Формирование культурной мифологии Смольного института в «Памятных записках» Г. Алымовой

Аннотация: в докладе рассматривается формирование авторского мифа о Смольном институте в записках Глафиры Алымовой, одной из самых известных смолянок первого выпуска, портрет которой был написан Д. Левицким, освещаются различные аспекты жизни и обучения в Смольном, рассмотренные через призму мифотворчества, а также упоминаются некоторые детали и события повседневной жизни «смолянок», которые не могли «вписаться» в мифологический канон.

Ключевые слова: Смольный институт, Глафира Алымова, авторский миф, педагогическая утопия, культурная мифология.

XVIII век в Российской Империи был богат на мифологию. Казалось бы – времена, благоприятные для ее функционирования, уже прошли, но вновь всплывали имена греческих и римских (иногда вперемешку – люди того времени их попросту не различали) в связи с ориентацией классицизма на античность. Но и это было не все: активно создавались культурные мифы: гинекратический, библиофилический, государственный. В записках Г. Алымовой начинается формирование культурной мифологии Смольного института, функционирующей в контексте педагогической утопии эпохи Просвещения.

Глафира Алымова была одной из первых выпускниц-«смолянок», испытавшей на себе все прелести русской эвпсихии – педагогической утопии, основанной на идеалах, провозглашенных Д. Локком и Ж.-Ж. Руссо, а также Д. Дидро. Идея основать учебное заведение для девочек пришла в голову императрице Екатерине II, а в ее осуществлении ей помогал И. И. Бецкой, позже ставший попечителем Смольного института. Екатерина II опиралась на опыт создания Сен-Сира, религиозное учреждение для девочек во Франции, которое появилось благодаря мадам де Ментенон, однако в Смольном институте упор делался еще на две константы: патриотизм и светское образование. Воспитанницы должны были уметь вести себя в высшем обществе, а самые способные из них приобретали при выпуске из института статус фрейлин. Смольный институт открыл свои двери для девочек 4 мая 1764 г. – в тот же год туда попала маленькая Глаша, которой было суждено провести в его стенах 12 (!) лет и выйти из него уже совсем взрослой девушкой. При этом она происходила из незнатного рода и была девятнадцатым последним ребенком в семье.

Новый мир Смольного открылся перед девочкой во всем своем великолепии. Это объясняет, почему в мемуарах Глафиры Алымовой господствует восторженный тон: «Прелестные воспоминания! Счастливые времена! Приют невинности и мира! Вы были для меня источником самых чистых наслаждений. Благоговею перед нами!» [Ржевская: 36]. Так начинается вторая часть «Памятных записок», отчетливо обозначающая отношение Алымовой к пребыванию ее в Смольном. Стоит сказать, что именно в институте она сумела удовлетворить свою потребность в любви и привязанности. Во многом это объясняет ее манеру подачи информации. Мемуаристка не знала отца: она родилась после его смерти, а мать к ней относилась достаточно равнодушно. В дальнейшем она так и не смогла наладить теплый контакт с матерью: «Чувство мое к матери, слабое вначале и как бы призрачное под конец, искусственно мной поддерживаемое, без поощрения, исчезло в течение трех месяцев» [Ржевская: 31]. И не только эти обстоятельства поддерживали позитивный настрой ее мемуаров. В Смольном институте старались создать для воспитанниц наиболее комфортное пространство без бед, забот, огорчений, установка, специально прописанная в педагогических манифестах И. И. Бецкого: «также и всякими невинными забавами и играми

оное юношество увеселять и чрез то мысли его приводить всегда в бодрение, а напротив того, искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостию и прискорбием назваться может» [Бецкой].

Одной из главнейших черт педагогического проекта было то, что в Смольный институт принимали девочек и из очень богатых семей, и не очень зажиточных [Приказчикова: 735]. Да, все они были дворянского происхождения, однако далеко не все дворяне могли себе позволить жить в Санкт-Петербурге, иметь роскошные дворцы и тысячи крепостных. А в Смольном не было никаких имущественных различий. Девочки носили одну и ту же одежду, питались одинаково, спали на одинаковых кроватях. Равенство было главенствующим принципом, закладываемым в головы «смолянок». Глафира Алымова преподносит эту особенность как достоинство Смольного: «Сироты, бедные и богатые, имели одинаковое право пользоваться прекрасным воспитанием, основой которому служило совершенное равенство. Это была община сестер, подчиненных одним правилам. Единственным отличием служили достоинства и таланты» [Ржевская: 37]. Сама Алымова, происходя из бедной дворянской семьи, без Смольного института не сумела бы получить хорошее образование, стать фрейлиной, сделать удачную партию.

Смолянок не пытались воспитать так, чтобы они были неразличимы в талантах, склонностях, интересах. Наоборот, большое внимание уделялось их индивидуальным чертам, которые могли пойти им на пользу в процессе образования и воспитания. В записках Алымова специально подчеркивала самобытность характера смолянок по сравнению с обычным светским воспитанием, превращающим людей в «обезьян и попугаев»: «...при всеобщем однообразии, резко выдаются характеры девушек, воспитанных в наших заведениях, из них каждая имеет свой личный характер. Так называемая оригинальность их, которую осмеивали многие, имела весьма хорошие стороны» [Ржевская: 37]. Для общества, не знавшего подобных педагогических изысканий, конечно, вся эта новая образовательная система была в новинку. По мнению Алымовой, воспитание не делало институток покорными и безвольными особами, не способными ни на что, кроме как исполнение мужней воли, как это стало актуально в более позднее время существования Смольного института, начиная с эпохи императрицы Марии Федоровны: «Во всех испытаниях они действовали прямо, энергично защищая свои правила» [Там же: 38]. Таким образом, институт ничуть не калечил их характеры, а лишь шлифовал и исправлял. Но не только это гуманистическая черта проявилась в полной мере. Воспитание не предполагало никаких телесных наказаний [Приказчикова: 731]. Во второй половине XVIII в. педагогическая мысль склонялась к либеральным идеям, манифестирующим познание внутреннего мира ребенка и последующее отталкивание от его природных качеств, талантов и склонностей. Впервые была высказана мысль о том, что необходимо думать ребенку самому, а не зазубривать слово в слово [Чайковская: 124]. В случае же, если воспитанница противилась чему-либо, рекомендовалось поступать следующим образом: «...ласкою уговаривать и привлекать к тому, чтоб равно с прочими в веселии участие принимали, а до того всячески не допускать, чтоб являли унылый вид с угрюмым молчанием или задумчивостию, но паче стараться все общество содержать в забавах» [Бецкой]. Если же и приходилось наказывать, то предпочитали действовать, выставляя воспитанницу на всеобщее осуждение или лишая ее общества других детей. Негативные эмоции в таком случае были связаны не с телесным наказанием, а с душевным.

Институт также воспитывал полное согласие между «смолянками». Девушки жили в уважении друг к другу, никогда не сплетничали и не клеветали, решали все возникшие конфликты самостоятельно, не жалуясь и не донося друг на друга. Среди всех воспитанниц выделялись авторитеты, чьи слова «служили законом для подруг» [Ржевская: 40]. И в целом атмосфера была такова, что пороков институтки не знали, а дурные наклонности среди них встречались достаточно редко. Впрочем, не надо забывать, что это лишь взгляд Алымовой, стремящейся всецело идеализировать локус и топос Смольного.

И, конечно, Алымова идеализирует начальницу Смольного – Софью де Лафон, без преувеличения ставшую для нее всем. Она была, если исходить из мемуаров Алымовой (и не только ее мемуаров – о замечательных качествах г-жи де Лафон писал и Иван Долгорукий, дважды женатый на смолянках ссылака на его воспоминания) истинным украшением института. Свою управленческую деятельность в этом заведении она вела тридцать лет и оставила после себя приятные воспоминания, позволяющие судить о ней как о женщине в высшей степени справедливой, мудрой и кроткой. Она добросовестно подходила к выбору прислуги, неизменно хорошо исполняла свой долг и «с свойственной ей бдительностью предупреждала злоупотребления» [Там же: 40]. Если сравнивать эти слова с мнением И. И. Бецкого, то можно заметить, что С. Лафон целиком соответствовала определенному И. Бецким идеалу: «во всем поступать с крайним благоразумием и кротостью, тем наипаче, что собственным примером должна она ободрять всех прочих, к воспитанию и руководству молодых девиц определенных, а особливо Учительниц, от которых зависит все совершенство доброго воспитания и обучения» [Бецкой]. Алымова признавалась в своих мемуарах, что госпожа Лафон была ее первой привязанностью: «Никто впоследствии не мог мне заменить ее: она служила мне матерью, руководительницей, другом и была покровительницей и благодетельницей моей <...> Любить, почитать и уважать ее было для меня необходимостью. Мое чувство в ту пору походило на сильную страсть: я бы отказалась от пищи ради ее ласок» [Ржевская: 41–42]. И это было взаимно: начальница вскоре уверилась, что Алымова искренна в своих чувствах благодаря ее «настойчивости и похвальной цели <...> посещений» и стала мемуаристке верным другом до конца своих дней [Там же: 42]. Более того, Алымова выполняла роль сиделки при уже больной госпоже Лафон. Подобные взаимоотношения могут служить примером достойной дружбы, ведущей к самосовершенствованию и самопознанию, и, естественно, являются плюсом институтской системы.

Екатерина II посещала Смольный и поддерживала связь с воспитанницами через письма. Что важно, она умела соблюдать дружеский тон, «не роняя своего величия». Воспитанниц она считала своими детьми, беседовала с ними, интересовалась их успехами, отвечала на их весточки, и «смолянки» ценили такую милость со стороны монархини. «...но ее можно вполне оценить, лишь узнав, как она была ласкова к тем, кого называла своими детьми, как была доступна для них» [Там же: 37].

И все же как ни мифологизируй культурное пространство Смольного института, жизненные перипетии, порой не слишком приятные, все же давали о себе знать. Даже искренно восхищаясь Смольным институтом Глафира Алымова упоминает об одной немалой ошибке, сделанной при его открытии. Первой начальницей института была назначена княжна А. С. Долгорукова, получившая воспитание в Европе, прекрасно знающая французский, немецкий и латинский языки. Она-то и подвергается не самой лестной критике со стороны мемуаристки. И хотя Алымова оговаривается, что не должна ее судить, отношение ее к Долгоруковой весьма неоднозначно. «Она кичилась богатством, знатностью рода и притом была ханжа и суеверна. Будучи остроумна, она не имела достаточно ума для того, чтобы быть выше предрассудков, которые решено было изгнать из нашего мирного приюта. Гордая повелительница, она хотела, чтобы все склонялось пред нею, и не продержалась на своем месте более восьми месяцев» [Там же: 38].

Не менее неоднозначным случаем являются и другие отношения: Глафиры Алымовой и И. И. Бецкого, попечителя Смольного института. Глафира, никогда не знавшая отцовской любви, возможно, подсознательно нуждалась в ней, поэтому очень быстро привязалась к Бецкому и стала его любимицей. «С первого взгляда я стала его любимейшим ребенком, его сокровищем. Чувство его дошло до такой степени, что я стала предметом его нежнейших чувств, целью всех его мыслей. Это предпочтение несколько не вредило другим, так как я им пользовалась для блага других: ничего не прося для себя, я всего добивалась для своих подруг, которые благодарны мне были за мое бескорыстие и вследствие этого еще более любили меня» [Там же: 43]. Чувство Бецкого неуклонно росло, и вскоре он официально взял

Глафиру на попечение, очаровав ее своей любезностью и нежным отношением. Спустя три года, когда пришла пора думать о выпуске, Бецкой удвоил свое внимание, не желая расставаться с приемной дочерью. Сперва, как вспоминает мемуаристка, он старался подкупать ее подарками, а после «шутя при всех спросил меня, что я предпочитаю: быть его женой или дочерью» [Там же: 45]. Глафира предпочла выбрать роль дочери, Бецкой же «выражал страсть свою, не называя ее <...> Ему казалось вполне естественным, чтобы восемнадцатилетняя девушка, не имеющая понятия о любви, отдалась человеку, который пользуется ее расположением» [Там же: 45–46]. В мемуарах Алымова признается, что при большей откровенности Бецкого она бы охотно стала его супругой и даже несколько ранее позволяет себе обращение к нему: «Тебя одного я любила и без всяких рассуждений вышла бы за тебя замуж» [Там же: 45]. Резкая смена с фактического признания в любви на полное отрицание каких-либо познаний в любовной сфере легко объяснима. Возможно, что мемуаристка рефлексировала над собственными чувствами уже после того, как она их пережила, и пришла к выводу, что испытанное ею действительно является любовью. Это называется в мемуарной литературе аберрацией личной точки зрения мемуариста, то есть смещением, изменением. К тому же следует брать во внимание, что любовь, которую ощущала Алымова, была платонической. «...не имеющая понятия о любви...» означает то, что в силу возраста и нравственного воспитания она не понимала сути сексуального подтекста, имевшего место быть в словах Бецкого [Там же, 46]. Когда же мемуаристка все же избрала себе будущего супруга – Алексея Ржевского, Бецкой долго не мог успокоиться: старался поссорить возлюбленную с августейшими особами, «опутывал интригами», «внушал неразумные поступки», и, хотя и принял жениха Алымовой безо всяких претензий, продолжал восстанавливать двор и названую дочь друг против друга [Там же, 47].

Замужество ничуть не сделало жизнь молодой женщины более мирной. И муж, и приемный отец «считали себя обиженными <...> и мучили» мемуаристку своей ревностью [Там же, 53]. До конца жизни И. И. Бецкого его взаимоотношения с Глафирой Алымовой продолжали оставаться натянутыми, если не сказать дурными. Так институт невольно поспособствовал компрометирующим, в первую очередь Алымову, взаимоотношениям. И это произошло уже в первый выпуск Смольного института.

Впрочем, в записках Алымовой мы видим ситуацию лишь с одной стороны, и не очень понятно, вела ли себя должным образом и сама мемуаристка. Вполне возможно, что она использует в мемуарах прием умолчания.

В «Памятных записках» Глафиры Алымовой мы видим мифологизированный образ Смольного института, напоминающий чем-то мифологему золотого века из античных времен, являющую собой время вечного блаженства рода человеческого. Во многом такой образ оправдан – юная Глаша училась в ту эпоху Смольного, когда соблюдались все заявленные императрицей утопические идеи – стремление понять душу ребенка, воздействие на него добрым примером, равенство среди воспитанниц и в то же время сохранение их индивидуальности. Правда, этот «золотой век» Смольного института скоро закончился – пришло время правления Павла I, супруга которого – Мария Федоровна искренне разделяла взгляды на то, что место женщины – дом, а ее удел – забота о супруге и детях. И все-таки в Смольном институте преследовались цели, близкие по духу нашему времени: феминизмом их назвать еще нельзя, но желание взрастить самостоятельных женщин, блестяще развитых и разбирающихся в искусстве (далее Екатерина II не могла пойти – работала система сдержек и противовесов), безусловно, похвально.

Литература

Бецкой И. И. Генеральное учреждение о воспитании обоого пола юношества. СПб., [1764]. 4 с.

Бецкой И. И. Устав воспитания двух сот благородных девиц учрежденного Ее Величества Государынею Императрицей Екатериной Второй, Самодержицею Всероссийской, Материю Отечества и прочее, и прочее, и прочее. СПб., [1764]. 33 с.

Дидро Д. Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке» // Соч.: в 2 т. – М., 1986. 1196 с.

Локк Дж. Мысли о воспитании. М., 1904. 262 с.

Приказчикова Е. Е. «Новая женщина» в дворянской среде. Смольный институт как проект // «Культура духа» vs «культура разума». Интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках: коллективная монография / под общ. ред. Л. Н. Репиной. М. : Аквилон, 2022. С. 726–746.

Ржевская Г. И. «Памятные записки» // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой. Изд. 4-е. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 576 с.

Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. [Электронный ресурс]. URL: https://4italka.su/proza-main/klassicheskaya_proza/148349/fulltext.htm (дата обращения: 24.04.23).

Чайковская О. Г. Воспитание «новой породы» людей (об одном социальном эксперименте XVIII века) // Социологические исследования. М., 1987. 160 с.

Savchuk V. S. Formation of the cultural mythology of the Smolny Institute in the “Memoirs” of G. Alymova

Abstract: the report examines the formation of the author's myth about the Smolny Institute in the notes of Glafira Alymova, one of the most famous Smolyan women of the first graduation, whose portrait was painted by D. Levitsky, highlights various aspects of life and education in Smolny, considered through the prism of myth-making, and also mentions some details and events of the daily life of “Smolyan women” who could not “fit” into the mythological canon.

Key words: Smolny Institute, Glafira Alymova, author's myth, pedagogical utopia, cultural mythology.

А. О. Черенкова

(научн. руководитель Е. Е. Приказчикова)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

«Три короны на челе»: портрет Екатерины II в ее записках и в жанре торжественной оды

Аннотация: в статье исследуется литературный образ Екатерины II, а также сопоставление ее «государственного» портрета и портрета императрицы Елизаветы Петровны. При рассмотрении торжественных од М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина, можно проследить переход от ономоифа «Амазонки» до «Минервы на троне» и, в перспективе, до «Фелицы». Не остаются без внимания 1 и 2 вариант «Записок» Екатерины II, в которых мемуаристка повествует о своем детстве и мечтах о троне, замечая то, что ее триумф произошел не случайно, все было предрешено судьбой, чьи знаки она видела, еще будучи ребенком.

Ключевые слова: «Записки» Екатерины II, торжественные оды, М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, Амазонка, Минерва, Фелица.

Екатерина II стала императрицей Российской империи в ходе дворцового переворота (25 июня 1762 г.). Император Петр III «не обладал такими достоинствами ума и характера, которые бы позволили ему достойно держаться в переходный период» [Мадариага: 49]. Историк В. О. Ключевский так высказался на эту тему: «Екатерина совершила двойной